

Будет ли это он? — Хэ И невольно гадал про себя. Казалось, каждый раз этот человек неизменно появлялся перед ним. Мизинец Хэ И слегка дрогнул: в прошлом мире он оставил в собственном сознании толику ауры Шан И. Если это действительно он, их ауры непременно совпадут, но до этого еще нужно было дождаться.

Люцифер молча отнес Хэ И обратно в свои покои, наложил вокруг защитный барьер, приподнял его за подбородок и легонько потерся о его лицо. Голос демона был полон бархатных ноток:

— Послушно побудь здесь, я разберусь с делами и сразу вернусь.

С этими словами Люцифер, не оглядываясь, распахнул крылья и снова взмыл к Раю. Проводив его взглядом, Хэ И слегка погрузился в раздумья.

Ныне отношения между Люцифером и Михаилом находились в некой двусмысленной стадии: они казались то ли врагами, то ли друзьями. Ни один из них еще толком не осознал свои чувства, но вскоре эту преграду прорвет грядущая Священная война. Им удастся сойтись и подписать договор о Священной войне, согласно которому битвы будут происходить лишь раз в тысячелетие. Помимо этого, ангелам и падшим ангелам запрещалось вести войну друг против друга, за исключением мелких стычек.

Уголки губ Хэ И внезапно дернулись: если Люцифер действительно окажется тем, кого он ищет, и при этом сойдется с Михаилом, он ни за что не упустит возможности прикончить Люцифера, а затем покончить с собой!

При этой мысли Хэ И почувствовал, что его крылья заныли еще сильнее. Повернувшись, он случайно заметил позади себя большое зеркало. Взглянув на отражение, Хэ И снова поморщился: казалось, посередине одно крыло было наполоманное, а огромный участок покрывали кровавые пятна. На фоне мрачной багряности белые перья выглядели пугающе и болезненно.

Хэ И закрыл глаза и принялся непрерывно читать заклинания исцеления, постепенно затягивая раны на теле. Однако, хотя все остальные повреждения благополучно зажили, в области груди зияла пугающая пустота.

Хэ И протянул руку и коснулся собственной груди, широко распахнув глаза.

Звука сердцебиения не было.

Он... лишился сердца.

Как такое возможно? Неужели его и вправду кто-то вырвал?

Но почему об этом не было ни слова в досье, да и в памяти не осталось ни малейшего следа?

Странно. Хэ И закрыл глаза, пытаясь во всех подробностях восстановить прежние

воспоминания.

А когда Люцифер вернулся, перед его взором предстал Хэ И, сидевший на полу, вокруг которого кружились крошечные искорки белого света. Подобные сияющие мелочи любили лишь Бог и ангелы. Люцифер же, будучи падшим ангелом, терпеть не мог всё светящееся, а потому взмахнул рукой, мгновенно уничтожив все огоньки вокруг Хэ И.

Хэ И открыл глаза. За его спиной по-прежнему бессильно висели два огромных белых крыла, бросавшиеся в глаза.

Люцифер ненавидел белый цвет, особенно белые крылья. Подойдя к Хэ И сзади, он грубо схватил его за крылья и произнес низким голосом:

— Добрался до Ада и до сих пор не пал? Как же это бесит.

Хэ И отчетливо почувствовал пронзительную боль в крыльях и невольно судорожно втянул воздух.

— Отпусти!

Люцифер холодно усмехнулся и со всей силы дернул руку. Раздался зловещий хруст, и от жуткой боли лоб Хэ И покрылся холодным потом.

Чтоб тебя, Люцифер! Если ты и вправду тот, кого я ищу, я еще покажу тебе, где раки зимуют!

— Спрячь крылья, отныне будешь моим слугой, — Люцифер, казалось, слегка со скукой отпустил крылья Хэ И, выпрямился, и на его лице мелькнуло выражение пресыщенности.

Вернувшись в Рай, он поинтересовался личностью Хэ И и выяснил, что тот вроде бы являлся безумным фанатиком, до одержимости влюбленным в него. Выходит, те слова: «Это ты?» — относились к нему самому?

Люцифер внезапно почувствовал, что потерял всякий интерес.

А Хэ И, растирая ушибленные крылья, сквозь зубы процедил:

— Нет, я отказываюсь быть твоим слугой.

Возлюбленный и слуга — разница всего в один символ, но пропасть между ними огромная. У Хэ И не было склонности к мазохизму: ему требовалось абсолютное равенство, а не унижительные узы господина и слуги, навязанные из-за мимолетной нужды.

— Отказываешься? По-твоему, у тебя сейчас есть хоть какие-то силы на отказ? Может, помолишься своему Отцу-Богу? — Люцифер холодно усмехнулся, и его прекрасное лицо по-прежнему приковывало к себе взгляды.

Хэ И не нравился этот взгляд Люцифера. Растирая снова занывшие крылья, он громко заявил:

— Именно так, я буду молиться Отцу-Богу! Всё, что у меня есть, принадлежит Отцу-Богу, и кроме Него, я никому и никогда не стану слугой!

В это самое время Бог, восседавший на своем престоле за девятью небесами, озадаченно приоткрыл глаза, бросил взгляд на лежащий внизу Ад и нахмурился.

Разве это не Его маленький ангел? Как он угодил в Ад?

Подумав об этом, Бог поманил пальцем в сторону Ада. Чистая энергия прямо из Райских кущ пролилась на Ад, полностью окутав Хэ И, после чего сверху потянуло мягкой силой притяжения.

Лицо Хэ И дернулось, а вместе с ним перекосило и лицо стоявшего рядом Люцифера.

Отец-Бог, отвечивать Люциферу такую звонкую пощёчину при всём честном народе — это вообще нормально?!

Никто не в силах преградить путь тому, кого пожелал забрать сам Бог. В результате весь Ад воочию наблюдал, как с небес нисходит Божественный свет и уносит ангела, застрявшего в преисподней.

Хотя стоп, откуда в Аду ангелы?

Все падшие ангелы и демоны Ада устремили взгляды к источнику ослепительного сияния и внезапно поняли, что это место им до боли знакомо. Разве это не дворец Люцифера? Во дворце Люцифера объявился ангел, да еще и Бог лично забрал его?!

В тот же миг все обитатели Ада покатались со смеху. О небеса, Люцифер тайком укрывал у себя ангела, за что и получил публичную пощёчину от самого Бога, который увел пленника прямо у него из-под носа!

Эта весть с невероятной скоростью разнеслась по Шести мирам и докатилась до Рая. Михаил, стоявший у райских врат, слегка изменился в лице и бросил в сторону Ада испытующий взгляд.

Что же до Хэ И... одни боги знали, какое помрачение рассудка нашло на этого так называемого Бога. Стоило ему лишь вскользь упомянуть Его имя, как его тут же выволокли на самую вершину небес.

Лишь когда перед ним предстал невыразимо прекрасный мужчина, Хэ И слегка пришел в себя.

Если красота Люцифера заставляла затаить дыхание, то этот небожитель обладал внешностью, способной затмить всё вокруг. Его сияние превосходило любые сравнения. Сердечко Хэ И неожиданно забилося. Черт побери, да у него же даже сердца нет, о каком стуке речь?!

Бросив на небожителя лишь один короткий взгляд, Хэ И торопливо опустился на колени, склонив голову, сложил руки и выкрикнул:

— Отец-Бог!

— Мое дорогое дитя, как тебя угораздило оказаться в Аду? — Бог восседал на троне, подперев подбородок рукой, и с нежностью смотрел на Хэ И. Бог любил поспать, и стоило Ему задремать, как проходили целые столетия, а то и тысячелетия. Он проснулся лишь потому, что услышал зов Хэ И, и теперь испытывал безграничное терпение к этому миловидному ангелочку.

— Отец-Бог, я согрешил. Прошу, позволь мне отправиться в Ад для искупления, — опустив голову, благочестиво произнес Хэ И, хотя в душе его кипело возмущение. Люцифер, между прочим, вполне мог оказаться его суженым, и ему было прекрасно и вольготно в Аду, так какого черта этот внезапно объявившийся Отец-Бог устраивает цирк?!

Бог задумчиво прикрыл глаза, пролистал прежние деяния Хэ И и, обнаружив фанатичную одержимость юноши Люцифером, ненадолго умолк.

— Ад тебе не подходит, мое дитя. Вернись к Отцу-Богу, оставайся рядом со мной.

— О нет, разве тот, кто запятнан грехом, достоин находиться подле Тебя, Отец-Бог? Это лишь осквернит Твое сияние, и станет моим новым преступлением, — Хэ И передернуло от пробежавших по коже мурашек. Благодаря многократному опыту вселения в религиозных фанатиков он мог без труда произносить любые, даже самые стыдные фразы.

— Мое дитя, ты и впрямь такое милое и доброе создание, — помолчав, неожиданно произнес Бог. Затем Он легко коснулся лба Хэ И, и чистейший белый свет хлынул прямо внутрь его тела.

Крылья за спиной Хэ И начали стремительно затягиваться на глазах, а сам он почувствовал невероятную легкость, будто погрузился в источник исключительного тепла.

Хэ И блаженно прищурился. Как же тепло! словно новорожденный младенец, прильнувший к материнской груди.

Заметив блаженное выражение на лице Хэ И, Бог слегка улыбнулся уголками губ и снова заговорил:

— Мое дитя, оставайся в Раю, будь рядом со мной. Ты обрешь перерождение, и твое утраченное сердце вновь вернется в твою грудь.

Хэ И почувствовал, будто на макушку ему вылили ушат ледяной воды. Бог всеведущ, всемогущ и знает обо всем на свете. Раз Он осведомлен о пропаже сердца, не читает ли Он и его сокровенные мысли? А вдруг раскусит его истинную личину?

С этой мыслью Хэ И поднял голову и встретился взглядом с Богом. Тот одарил его невероятно нежной и милосердной улыбкой, излучая всеобъемлющее сострадание и источая на редкость благожелательную ауру.

Хэ И даже зажмурился от столь эталонного образа святости. Пожалуй, именно поэтому он так ненавидел святош, особенно божеств, стоявших на ступень выше них!

В конце концов Хэ И всё же оставили в Раю, но перед этим отправили в Священную купель восстанавливать тело. В конце концов, Ангел Суда от души потрепал Хэ И. Будучи прежде всего лишь Ангелом Власти — ангелом низшей из трех низших сфер, — он отделался легким испугом исключительно благодаря чуду.

И едва Хэ И погрузился в воды Священной купели, как на девятом небе появился Серафим — Михаил.

Михаил явился к Богу исключительно из-за ситуации с Хэ И. Раньше он не придавал этому юнцу никакого значения, но внезапное решение Бога вытащить проклятого ангела из самого Ада да так громко, что об этом узнали все Шесть миров, заставило Михаила проявить серьезный интерес.

И теперь он прибыл на аудиенцию к Отцу-Богу, желая лично узнать Его волю. Отец-Бог, как вы намерены поступить с тем ангелом? Раз уж Отец-Бог привел того ангела на девятое небо, это говорит о том, что Отец-Бог к нему невероятно благосклонен. Быть может, совсем скоро появится еще один «любимчик Бога». Когда-то у Отца-Бога тоже был любимчик — такой ослепительный, а ныне падший.

Михаил, в этом деле я сам разберусь, ступай. Лик Бога вновь обрел прежнее величие, и от него естественным образом исходило божественное давление, заставляющее Михаила не сметь даже поднять взгляд на Бога.

Слушаюсь, я понял, Отец-Бог, — почтительно произнес Михаил, после чего удалился из Храма. Выйдя за пределы, он всё же не удержался и оглянулся на Храм: как звали того маленького ангела?

Подумав об этом, Михаил поджал губы. Быть может, Отец-Бог не придает этому значения, но для всего Рая случившееся вовсе не пустяк.

А Хэ И в этот момент еще не знал, что о нем уже вспомнили многие. Сейчас он лежал в Святом пруду, чувствуя, как теплая святая вода непременно омывает его тело. Ощущение было донельзя уютным и нагоняло сонливость; Хэ И уже очень давно так хорошо не отдыхал. От этих мыслей его сознание начало погружаться в сладкую дремоту.

Наконец его глаза плотно закрылись, и он погрузился в глубокий сон.

И стоило Хэ И уснуть, как у края пруда появился Бог. Он долго вглядывался в лицо Хэ И, на его некогда строгом лице проступила мягкая улыбка, после чего он наклонился и поправил золотистые волосы Хэ И. Пряди намокли и тесно прилипли к телу юноши. Поразмыслив немного, Бог снял с Хэ И одежду, завернул его в отрезок белой ткани, взял на руки и

направился к своему трону.

Бог, казалось, размышлял, куда же уложить маленького ангела: в его Храме, помимо этого кресла, был лишь висевший в воздухе позади него крест. Подумав еще немного, Бог опустился на трон вместе с Хэ И на руках. Словно мать, укачивающая дитя, Бог поцеловал Хэ И в лоб, а затем крепко прижал к груди, позволяя тому купаться в струях исходявшего от него Божественного света.

Однако маленький ангел спал, а вот Богу было не до сна. Обычно он не просыпался без нужды, но стоило ему пробудиться, как он надолго забывал о сне. Протянув руку, он легко коснулся пальцем лба Хэ И и прочел все его прошлые воспоминания.

Увидев, как Ангел Суда пинком сбросил Хэ И в Ад, а Люцифер подхватил его на руки и унес во дворец, Бог признал, что в его сердце, молчавшем столь долго, зародилось легкое волнение.

Он пересматривал воспоминания Хэ И снова и снова. Окунувшись в Святой пруд, Хэ И как раз переживал второе развитие — или, если выражаться точнее, эволюцию. У каждого ангела существовало девять ступеней иерархии, а значит, была заложена и способность к эволюции, которая всегда сопровождалась глубоким сном. Теперь же под сенью Божественного света сон Хэ И продлится дольше, но и сила его после эволюции станет неизмеримо мощнее.

Бог и сам не понимал, почему внезапно проникся такой заботой к этому маленькому ангелу. Он лишь смутно чувствовал, что должен относиться к нему хорошо, особенно к его сердцу. Проведя пальцем по груди Хэ И в районе сердца, Бог ощутил, как внутри поднимается странное чувство: словно сердце Хэ И принадлежало ему.

Это чрезвычайно изумило Бога, и он с некоторым раздражением накрутил на палец прядь волос Хэ И, надеясь, будто это поможет отогнать наваждение.

Разумеется, сам погруженный в сон Хэ И не ведал обо всем этом ни малейшего малейшего вспоминая.

Хэ И казалось, будто он видит сон: он вернулся в тот момент своего прошлого мира, когда покинул его. Тогда, испустив последний вздох, он лежал на постели донельзя изможденным, а Шан И сидел рядом, крепко сжимая его руку.

Картина словно застыла. Прошло немало времени, прежде чем Шан И поднялся, поцеловал Хэ И в губы, а затем объявил о восшествии на престол нового Императора. Они выбрали его вместе, растили и воспитывали с малых лет, и тот непременно станет править страной мудро.

После этого Шан И объявил, что последует за ним в усыпальницу в качестве погребального дара — причем живьем. Когда Шан И и Хэ И вошли в императорский склеп, Шан И вдруг рассмеялся. Сжав руку Хэ И, он смеялся с поистине безумным выражением лица и говорил:

— Хэ И, наконец-то ты полностью принадлежишь мне.

Потрясенный этим видением, Хэ И мгновенно пришел в себя. Резко вскинув голову, он обнаружил, что сидит на коленях у невероятно красивого мужчины, прикрытый лишь тонким покрывалом, обнажающим большую часть плеч.

Хэ И:.....

Ему определенно требовалось объяснение!

Не успел Хэ И поддаться панике, как почувствовал, что внутри него творится что-то неладное: мощный поток энергии бушевал в теле, словно носясь в поисках выхода наружу.

Хэ И судорожно вцепился в одежду сидевшего перед ним мужчины и согнулся пополам. Эта энергия медленно поднялась к его спине, и в верхней части лопаток отчетливо запекло.

Бог протянул руку и принялся успокаивающе гладить Хэ И по голове, мягко приговаривая:

— Не бойся, это скоро пройдет.

На самом деле боли не было — лишь невыносимый зуд и жар, создававший ощущение, будто сквозь кожу пробивается что-то чужеродное. Это доставляло Хэ И сильнейший дискомфорт, и он крепко обнял сидевшего перед ним мужчину, надеясь хоть так облегчить свои муки.

Наконец из спины Хэ И хлынул золотой свет.

— Вспыхнуло —

— Вспыхнуло —

— Вспыхнуло —

Раздался звук раскрывающихся трех пар крыльев. Хэ И невольно запрокинул голову; странное ощущение в спине еще сохранялось, но он уже привыкал к нему. Четко осознавая, что за его спиной появилось три новые пары крыльев, он не удержался и обернулся, чтобы взглянуть.

В лучах Божественного света три пары крыльев переливались золотым сиянием, выглядя донельзя аппетитно (...)

Хэ И пребывал в некотором помрачении рассудка: неужели он... превратился в шестикрылого ангела? А шестикрылые ангелы — это... Серафимы!

— Дитя мое, ты умеешь преподносить сюрпризы. Поздравляю с успешным переходом на уровень Серафима, — над макушкой Хэ И прозвучал нежный голос Бога.

Хэ И поднял голову и уставился на него полными слез глазами. От этого взгляда у Бога едва не растаяло сердце, и он произнес свою излюбленную фразу:

— Мое драгоценное дитя.

С этими словами Бог поцеловал Хэ И в лоб.

— Отец-Бог, почему я превратился в... Серафима? — тихо спросил Хэ И.

— Дитя мое, потому что ты эволюционировал в Серафима.

Бог по-прежнему улыбался, похоже, нисколько не сердясь на столь глупый вопрос своего маленького ангела. Напротив, собственный ангелочек казался ему невероятно милым.

Хэ И помолчал какое-то время, опустил голову и с некоторым отчаянием в голосе произнес:

— Отец-Бог, я хочу побыть один.

Бог:..... Кто такой этот Цзинцзин?

— Маленький ангел, мое драгоценное дитя, где же ты? — услышав доносившийся издалека зов, Хэ И невольно передернуло от дрожи всем телом, и он с упорством забился в гущу кустов, решительно не желая показываться наружу!

Бог сошел с ума! Придя к такому выводу в глубине собственной души, он как раз собирался переодеть юношу в прелестные ангельские одежды, сияя при этом невероятно мягкой улыбкой.

Тогда лицо Хэ И выражало полное экзистенциальное опустошение: пусть кто-нибудь объяснит ему, чем именно он приглянулся этому Богу? Он готов был исправиться!

Хэ И не то чтобы совсем не подозревал, будто этот Бог — и есть тот самый человек, которого он ищет, его возлюбленный. Но стоило ему бросить на Бога подозрительный взгляд, как тот озарялся поистине отеческой улыбкой, испускал лучи святости и, воплощая собой милосердие ко всем живым существам, с безграничной нежностью глядел на него.

Хэ И слепнуло от сиявшего вокруг него ореола, и он невольно закрывал глаза руками.

Любимый просто не мог оказаться таким безупречно святым!

Выражение лица Бога, полное приторной нежности, вызывало у Хэ И мурашки по коже, и он окончательно отмел предположение, будто Бог — это его партнер. Стоило вспомнить прошлые миры, и Хэ И понимал: их характеры с возлюбленным были под стать друг другу. Снаружи они еще могли казаться сдержанными, но внутри отличались дикой свирепостью, подавляющей властью и зашкаливающим стремлением к обладанию, находясь всего в шаге от полного помешательства.

Поэтому, если бы Бог действительно оказался его возлюбленным, Хэ И предпочел бы выколоть себе глаза.

— Маленький ангел, мое дорогое дитя, где же ты? Почему ты прячешься от Отца-Бога? Отец-Бог зовет тебя, ты слышишь?

Голос Бога приближался, в его тоне проступала все большая тревога, а сам он продолжал звать Хэ И.

Хэ И зажал уши руками. Ему с таким трудом удалось замаскировать свои следы с помощью Божественного света, исходявшего от самого Бога, так почему этот тип все равно смог его выследить?!

— Отец-Бог здесь, а где же ты, маленький ангел, мое драгоценное дитя, мой милый ангелочек?

Босиком ступая по густой траве, Бог медленно шел среди зарослей, продолжая звать Хэ И. Окружавшие их травы и цветы были готовы выдать Богу местонахождение юноши, но Хэ И подавил их волю своим присутствием, так что растительности оставалось лишь хранить молчание.

Впрочем, Бог оставался Творцом всего сущего: на самом деле он обнаружил Хэ И с самого начала, просто ему хотелось, чтобы маленький ангел вышел сам. Его маленький ангел не слишком-то жаловал его своим вниманием, и это немного удручало Бога.

— Мой маленький ангел, я нашел тебя. Скажи Отцу-Богу, зачем ты от него прятался?

Раздвинув кусты, за которыми прятался Хэ И, Бог взглянул на целиком показавшегося наружу юношу, и лицо его омрачилось легкой печалью.

Уголки губ Хэ И дернулись. Он наконец понял: чтобы вырваться из лап Бога, ему придется сначала потрафить его капризам.

Смерив лицо невозмутимым выражением, он решительно бросился в объятия Бога.

— Отец-Бог, я просто играл с вами в прятки. Я знал, что Отец-Бог непременно меня отыщет.

Хэ И казалось, будто он слышит, как вдребезги разбивается его последняя моральная оплот. Но поделать было нечего — этот Бог велся именно на такие штучки.

<http://bllate.org/book/21671/2235827>